

Некоторые аспекты идеологизации дискурса о языке русской публицистики

В течение последних пятнадцати лет состояние русской журналистики существенно изменилось. Россия пережила «журнальный бум» 1980-х - начала 1990-х гг. В глазах российских читателей СМИ в значительной степени скомпрометированы, так как чувствуется, что главным критерием «профессиональной пригодности» часто становится готовность обслуживать интересы хозяев, что влечет за собой естественное снижение уровня профессиональных требований и, соответственно, качества. Иногда они настолько низки, что складывается впечатление, будто большинство СМИ не удовлетворяет элементарным профессиональным требованиям, не говоря о соответствии эстетическим критериям и моральным нормам. Тем не менее, существует также журналистика высокого уровня, которая мало известна массовому читателю и почти не изучена филологами, хотя ее социальная потребность не вызывает сомнений.

Актуальной задачей поэтому следует считать необходимость отделения качественной публицистики от недобросовестных (конъюнктурных, лживых, аморальных, антиэстетичных и т.д.) СМИ.

В последнее десятилетие актуальность приобретают такие аспекты исследования, как индивидуальная стилистика конкретных партий и политических деятелей, журналистская этика и связанная с ней юрислингвистика (допустимое и недопустимое в журналистике с правовой точки зрения)

Гипотеза исследования, результаты которого я хочу вкратце представить, опровергает распространенное мнение о биполярности современной российской публицистики: «хорошей» демократической (либеральной) и «плохой» оппозиционной. Политический критерий их разграничения следует заменить (или, по крайней мере, дополнить) профессиональным.

Разграничение СМИ по политическому принципу имеет некоторое отношение к их лингвистической и эстетической доброкачественности, но очень косвенное. Так, напр., в советскую эпоху журналистская элита была сосредоточена в центральных партийных и правительственных печатных органах: «Правде», «Известиях», «Коммунисте» и др. Естественно предположить, что многие сотрудники этих газет и журналов сохранили впоследствии как свои политические взгляды, так и высокий профессиональный уровень. В частности, «Коммунист» ныне известен как один из самых блестящих политических журналов - «Свободная мысль - XXI».

С другой стороны, в условиях жесткой советской цензуры складывались индивидуальности талантливых публицистов - диссидентов и полудиссидентов - И. Шафаревича, Кронида Любарского, А. Зиновьева, А. Авторханова и др. Многие из них впоследствии оказались в «антилиберальном» («патриотическом») лагере, многие, как следовало ожидать, - в «либеральном», но их талант и профессионализм не исчезли. Высокое качество публицистики обеспечивается не приверженностью авторов определенной идеологии, которая считается или является прогрессивной, но зависит от социальных условий. Государство осуществляет - хотя и различными средствами - «искусственный

отбор» в области журналистики; поощряя полезных ему авторов и оказывая на оппонентов давление.

Главная мысль моего выступления проста: **качество СМИ определяется их соответствием собственным признакам - требованиям, предъявляемым к журналистике, - и более ничем.** Это положение как будто выглядит самоочевидным, однако оно нуждается в обосновании.

С конца 1980-х гг., особенно после принятия Закона о печати, появилось много изданий, пренебрегающих элементарными профессиональными и моральными нормами. Критерии допустимого в публицистике оказались настолько размыты и до такой степени пренебрегаются журналистами, озабоченными лишь корыстными побуждениями, что сейчас приходится реконструировать образ публицистики, соответствующей этому названию.

Указанная гипотеза реализуется в ряде положений:

1. Широко распространенное разграничение **«демократической» и «опозиционной» прессы** определяет содержание соответствующих печатных органов, влияет на их язык - прежде всего на лексико-семантический уровень (словообразование, лексику, фразеологию), но не в решающей степени. На самом деле языковые различия между представителями противоположных лагерей минимальны. «Демократы» и «опозиционеры» используют почти одни и те же языковые средства, различия проявляются преимущественно в акцентах и оттенках.

2. Подлинной лингвистической значимостью обладает профессионализм (**сатисфакбельность**) журналистов вне зависимости от их политической ангажированности.

3. Главным содержанием, основной задачей современной сатисфакбельной публицистики является **точность**. Журналисты стремятся отобразить и осмыслить сложную и противоречивую действительность. Этим стремлением к точности в максимальной степени определяется языковой строй сатисфакбельной публицистики на различных уровнях.

Итак, в течение последних 15 лет в российском общественном сознании сложилась устойчивая **дихотомия «демократическая» х «опозиционная» публицистика**. Это противопоставление приводит к двойной аберрации. Во-первых, предполагается, что существуют две монолитные идеологические и стилистические системы СМИ без внутренней дифференциации. Во-вторых, «демократическая» печать при этом обычно оценивается как «позитивная», «опозиционная» - как «негативная» (излишне уточнять, что такую оценку им дают «демократически» ориентированные политологи, журналисты, филологи и др. специалисты). Такой подход к отечественным СМИ реализуется и в недавно вышедшей академической коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985-1995)» (М., 2000), где Е. В. Какориной написана глава XI «Стилистический облик оппозиционной прессы». Автор относит к таковой «День» («Завтра»), «Молнию», «Наше время», «Советскую Россию», «Русский собор» и нек. др. издания. Е. В. Какорина выделяет следующие **дифференциальные признаки «опозиционной» печати:**

а) избыточную экспликацию ключевых терминов, описывающих референтную ситуацию (а именно: ориентацию на стандарты западного капиталистического общества); б) обилие негативно-оценочных номинаций (*криминально-компрадорская буржуазия* и т.п.); в) заданность оценок при г) редукции конкретной информации (С. 409-410).

Не оспаривая в целом этой блестящей оценки газет, подобных «*Завтра*», мы настаиваем на том, что она, во-первых, не может относиться *ко всей* оппозиционной прессе. Во-вторых, под это описание подходят материалы вполне «*демократических*» СМИ.

Сформулированные Е.В. Какориной признаки относятся не к «оппозиционной», а к *плохой* печати, включая и «демократическую» - причем не только печать, но и публицистику в целом.

Во-вторых, разделение журналистики на «демократическую» (или апологетическую, официозную) и «оппозиционную» сохраняет свою значимость, но главным образом для анализа *идеологических, а не лингвистических различий*.

Для настоящего анализа языка и стиля публицистики дихотомия Е.В. Какориной должна быть дополнена другой дихотомией: «доброкачественная x недоброкачественная публицистика». «**сатисфабельная**» x «**несатисфабельная**» (от англ. *satisfy* - удовлетворять и *able* - возможный), или аутентичная x неаутентичная.

Понятно, что в научных работах недопустимы такие расплывчатые характеристики, как «хорошая» и «плохая» пресса, хотя подразумевается именно это. Безусловно, мы не можем называть плохую прессу «желтой» или «бульварной», хотя это тоже подразумевается. Впрочем, есть еще одна причина: плохая пресса не всегда является тем, что называется прессой «бульварной» или «желтой». Например, журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия» не «бульварны» в общепринятом смысле слова, но уровень большинства их публикаций весьма низкопробен. Можно было бы назвать плохую публицистику «непрофессиональной», но и это определение не отличается корректностью: профессионализм в этом случае - понятие относительное в зависимости от того, что понимается под профессией.

Так что мы остановились на определении «хорошей» и «плохой» журналистики как «сатисфабельной» и «несатисфабельной», т. е. удовлетворительной и неудовлетворительной. Можно также сказать, что сатисфабельность ближе всего к понятию **публицистической культуры**, но не полностью тождественна ему. Культура, в частности, предполагает высокую художественность текстов, но мы ведем речь об элементарном соответствии публицистики ее сущностным критериям. Сатисфабельность определяем как способность публицистики удовлетворять предъявляемым к ней требованиям, как, в конечном итоге, ее функционально-стилистическую аутентичность

Что это означает? Основными функциями публицистики считаются следующие: *информационная, комментарийно-оценочная, познавательно-просветительская, воздействующая и гедонистическая* («речь здесь идет не просто о развлекательной информации, но и о том, что любая информация воспринимается с большим эффектом,

когда сам способ ее передачи вызывает чувство удовольствия, отвечает эстетическим потребностям адресата»)

Итак, в их число не входят: дезинформация читателей, навязывание им тенденциозных и некорректных интерпретаций, пропаганда антиценностей (например, потребительской идеологии), внушение читателям циничных и антигуманных воззрений, разжигание в обществе агрессивности, интолерантности, чувства национальной (или иной) исключительности, прививание низменных взглядов, потребностей и вкусов, разрушение языковых и эстетических норм, вмешательство в частную жизнь граждан, клевета и т. п. Широкая распространенность, прецедентность подобных явлений не может быть основанием для их допустимости. Всё, для чего характерны эти черты, строго говоря, вообще не является публицистикой - это не ее конститутивные признаки. К числу наиболее типичных пороков прессы относятся также «стремление к сенсационному разоблачительству, морализаторство, всезнайство, нацеленность на негатив, провокаторство».

Тем не менее, несатисфакбельные газеты, журналы, теле- и радиoprogramмы изучаются серьезными лингвистами с языковой точки зрения и тем самым как бы узакониваются. Для языковедческих исследований возможен, конечно, и такой объект, но нельзя согласиться с распространением его особенностей на всю прессу, называемую «оппозиционной». На самом деле это видовые признаки *любых* недобросовестных, некультурных, грубо-тенденциозных СМИ «перестроечного» и «постперестроечного» периодов. Кстати, мы полагаем, что между публицистикой 1980-х и 90-х гг. существуют серьезные различия, в том числе языковые; поэтому едва ли корректно журналистскую стилистику обоих периодов изучать совместно.

Сатисфакбельная журналистика 90-х гг. отличается от СМИ 1980-х гг. прежде всего стремлением к максимально адекватному отображению действительности. Точность эта противостоит клишированности и декларативности большей части «перестроечной» журналистики.

К **сатисфакбельной журналистике** мы - иногда с оговорками - относим такие издания, как «Новый мир», «Москва», «Знамя», «Континент» и мн. др. литературно-критические журналы, «Литературная газета», «Правда», «Известия», а также издания по различным гуманитарным специальностям, доступные пониманию образованного (или начитанного) дилетанта: «Свободную мысль -XXI», «Вопросы литературы», «Вопросы философии» и т.п.

На наш взгляд, **не удовлетворяют критерию сатисфакбельности** такие газеты и журналы, как «Аргументы и факты», «Завтра», «Лимонка», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огонек», «ОМ», «Наука и религия», «Новое литературное обозрение», «Книжное обозрение» и т. п. издания.

Несатисфакбельность перечисленных изданий проявляется по-разному. Так, «Аргументы и факты» давно перестали соответствовать своему названию: аргументы подменяются измышлениями, а факты - слухами. Для этой газеты стала обычной ссылка на «источник информации»: *«по слухам»*. Большинство приложений к «А и Ф» является откровенным средоточием скандальной хроники, а в самой газете нередко

печатаются антинаучно-фантастические спекуляции (наподобие измышлений Э. Мулдашева о «гималайских пирамидах» и т.п.).

Издания, подобные НЛЮ, тиражируют «постмодернистский» подход к действительности и культуре, т.е. реабилитируют «низменные» темы, уравнивают в правах талантливое и посредственное, пропагандируют нравственный и эстетический релятивизм, размыывают или вовсе отрицают ценностную *иерархию*, различия между добром и злом, прекрасным и отвратительным. Сатисфабельные публицисты, напротив, отстаивают эту иерархию, не позволяют ей стереться.

В перечисленных газетах и журналах встречаются и корректные, взвешенные, интересные материалы - иногда наравне с недоброкачественными, иногда же - в виде исключения, так что эти издания хотя бы отчасти обнаруживают признаки журналистики сатисфабельной.

Какими же качествами обладает **сатисфабельная журналистика**? Прежде всего она не выходит за рамки профессиональной этики. Для ее представителей возможны ошибки, заблуждения, преувеличения, перестановка акцентов в соответствии со своими вкусами и пристрастиями, субъективность оценок, но исключены сознательная ложь, дезинформация, клевета, инсинуация.

Важно, однако, отметить, что толерантность и уважение к оппоненту не являются аксиомами и для сатисфабельной прессы. Оппонент воспринимается в лучшем случае иронически (чаще всего ирония реализуется как антифразис - «многоуважаемый государственный деятель» и т.п. или мейозис - «небезызвестный политик»). Однако вполне распространено и презрение, причем часто предельно откровенное. Некоторым негативным характеристикам нельзя отказать в точности и остроумии, можно понять и отвращение авторов к одиозным личностям и партиям, хотя трудно согласиться с формой публичного выражения этих чувств.

Для сатисфабельной журналистики такие личные выпады - не исключение, но и не правило. Они чаще всего зависят от темперамента пишущего.

Несатисфабельная журналистика - и официозная, и антиофициозная - презирает оппонентов по-своему: она часто доходит до грубых выпадов, нарушающих нравственные табу (оскорбительное обыгрывание имен, национальности, физических недостатков и т.п.).

Сатисфабельные публицисты не опускаются до подобных приемов, сколь бы откровенным ни было их презрение к одиозным личностям.

Несатисфабельная журналистика для выражения своей ненависти к объекту широко использует **каламбурные вульгаризмы**: (**Н 2.**) *дермокрааты*, *плюйрализм*, *эсэнгэевский*, *кравчукчи* (украинцы), и т.п. Такие окказионализмы, как правило, примитивны, не остроумны и лишены смысла.

Сатисфабельные публицисты не допускают таких грубых оценок, хотя экспрессивную игру слов используют весьма активно. У них встречаются другие каламбуры - *демокрады*, *негры* (т.е. «не граждане» - русские люди, живущие в прибалтийских «странах» и не являющиеся их гражданами), *прихватизация* и т. п. Та-

кие слова выражают не бессильную злобу, как в первом случае, а спокойно-презрительное отношение к неприемлемым чертам действительности, обнажение их реального смысла, закамуфлированного официальной терминологией (*демократы, приватизация*).

Несатисфабельные СМИ в изобилии употребляют «**ненормативную лексику**», а точнее - *пиджинизированные и сленгизированные арготизмы (Н 3.)* т. е. блатные квази-лексеммы, утратившие свою функциональную специфику, точное «терминологическое» значение и употребление, расширившие свой семантический объем и вошедшие в некриминальный речевой обиход на правах слэнга. *Пиджинизацией* (от англ. *Pidgin English* - англо-китайский языковой гибрид, синтетический язык эмигрантов; в более широком смысле - примитивизированная терминология, вошедшая в общее употребление) мы называем узкоспециальные лексеммы (термины) и квази-лексеммы (арготизмы), оторвавшиеся от своей первоначальной среды и ставшие обиходными ценой семантического упрощения. Типичными пиджинизмами являются слова *ваучер, приватизация, дефолт, плюрализм* и т. п. Их употребляют все, но их точное терминологическое значение известно лишь специалистам. Пиджинизмами являются и арготизмы: *беспредел, крыша, наехать, разборки, разводить, лохотрон* и т.п., и несатисфабельные СМИ ими перенасыщены.

Если сатисфабельные журналисты используют **арго** (вернее, слэнгизированные арготизмы), то стремятся это делать по возможности корректно, семантически уместно. Авторы не ограничиваются употреблением распространенных - в т.ч. в СМИ - оборотов арготизма, но объясняют, в каком смысле использованы эти выражения.

Сатисфабельные СМИ предпочитают не загрязнять русский язык. Квази-лексеммы, наподобие *беспредела* или *тусовки*, встречаются в них нечасто, в основном в виде исключения. Весьма типичны случаи, когда арготизмы и собственно слэнгизмы употребляются в качестве экспрессива. В таких случаях они обычно «*переедресуются оппоненту*» и выделяются пунктуацией: кавычками, курсивом, разрядкой и т.п.

Несатисфабельная публицистика отличается **резкой стилистической эклектикой**. Для нее типично сочетание вульгарных и высокопарных слов в общем контексте, например: (Н 4.) «*Враг в доме, нахан в суде, растлитель в школе (...) Наших дев скупают и отправляют в заморские бордели*» (газета «*День*», пример взят у Е.В. Какориной - с. 412). Для сатисфабельных СМИ это не характерно.

Отметим еще одну важную деталь. Несатисфабельные СМИ - преимущественно «антидемократической» ориентации - пытаются придать себе видимость респектабельности и умеренно вводят в тексты **специальную лексику**. Поскольку такая журналистика адресована малокультурным и достаточно наивным обывателям (кто-то очень удачно сказал в 1993 г., что «*День*» - газета для духовно ленивых людей), то такая терминология внушает им мысль о высокой интеллектуальности этих СМИ, а также самоуважение. На самом деле эта терминология редко возвышается над уровнем средней школы и носит полуметафорический характер (Н 5.) (*криминально-компрадорская бур-*

жуазия, девальвация доверия, идеология рантье, оккупационный проамериканский режим, колонизация русского сознания и т.п.).

Многие из таких лексем сами по себе являются квази-терминами, т.е. сомнительны с точки зрения научной корректности. Типичные пиджинизированные термины в этой публицистике: **(Н 6.)** *плюрализм, электорат, люмпенизация населения, постиндустриальный* и т.п.

Сатисфабельная журналистика демонстрирует иронию по отношению к таким некорректно употребляемым словам, как, у А.Н. Тарасова в статье «Десять лет позора»: **(Н 7.)** *«Интеллигенты» 90-х поверили в некое «информационное», постиндустриальное общество, и это послужило им основой для самооправдания: дескать, мы теперь не зависим от тех, кто добывает уголь, собирает хлопок и выращивает хлеб, мы внутри другой, «более высокой» цивилизации. Хотя сельскохозяйственные продукты не стали виртуальными - и их по-прежнему производят крестьяне»* (С. 42-43).

Другая форма отношения к терминологии в сатисфабельных СМИ - ее грамотное, адекватное, уместное употребление - в той же статье: *массовая культура - «феномен автотонный для любой культуры, не только европейской или вестернизированной»* (№. 52).

Вообще **точность** - базисная черта сатисфабельной журналистики. Она проявляется не только в аутентичности цифр и фактов, но и в корректном словоупотреблении. Авторы подобных материалов не упускают возможности обличить невежество своих оппонентов, употребляющих научные термины неверно, бездумно и трафаретно. **(Н 8.)** А.Н. Тарасов в статье о Пиночете пишет: *«Вопреки тому, что говорила советская пропаганда, переворот в Чили не был «фашистским». Это был обычный реакционный военный переворот, инспирированный ЦРУ. Но режим Пиночета действительно с исключительной скоростью фашизировался»* (СМ - 2001 - № 3 - С. 50) и т. д.

Стратегия максимальной адекватности касается не только терминологии. Авторы сатисфабельных статей постоянно разоблачают попытки своих оппонентов искажать реальность лживыми словами: отбрасывают ложные наименования и находят точные определения – **(Н 9.)** Б. Ю. Кагарлицкий: *«Ценности поколения 60-х годов, доминировавшие у нас аж до конца 80-х, ушли в прошлое. На их место пришли не новые ценности, а новые соблазны»* (СМ - 1999 - № 7. -С 32), *«патриотизм — это не просто благопристойное название для антисемитизма, а демократизм — нечто большее, чем просто антикоммунизм»* (С 37); А.Н. Тарасов: *«Интеллигенция» стала сословием мещан, мелких буржуа»* (Там же. С. 42)

Кроме того, сатисфабельные журналисты часто применяют такой специфический прием, как **невокабулярная дефиниция**. Их не удовлетворяют не только те значения, которые навязываются словам в несатисфабельных СМИ (*демократия, плюрализм*, которые не являются таковыми), но и определения, которые даются в словарях. Эти авторы сами определяют различные социальные феномены, напр., А.Н. Тарасов: **(Н 10.)** *«Интеллигент, если это настоящий интеллигент, а не псевдоинтеллигент (статусный интеллигент, чиновник, клерк, «интеллектуал», т.е. узкий специалист в непромышленной области - в сфере образования, управления, информационных тех-*

нологий и т.п.) - это творец, творческая личность, гений, человек, занимающийся поиском **истины**, рациональным (научным) или чувственным (художественным) познанием и освоением мира. Настоящий интеллигент понимает свою индивидуальную роль познающего субъекта - и общественную роль просветителя и освободителя. Настоящий интеллигент - носитель критического мышления. Настоящий интеллигент противостоит конформизму и мещанству» (СМ. - 1999. - № 7 - С. 42); Р. Л. Лифшиц: «потребительство - не внешняя форма поведения, а определенная смысложизненная стратегия. Потребительству противостоит не аскетизм, не выживание (...), а установка на самореализацию личности через ценности бытия» (СМ. - 2001. - № 6 - С. 86). Авторы будто констатируют: в современной действительности самые понятные, привычные слова нуждаются в реставрации смысла, поскольку он искажен нечестными, конъюнктурными, а то и просто невежественными и неумными политиками, идеологами, деятелями культуры. Понятия и слова нужно очищать от напластований и открывать заново.

Наконец, авторы статей сами придумывают слова, которые, по их мнению, корректнее выражают нужный смысл. Напр., К. Ковальджи, разоблачая «профессиональных патриотов», пишет: **(Н 11.)** «*Политические деятели, которые любовь к Родине превратили в профессию, отличаются от нормальных патриотов так же, как влюбленные и любящие отличаются от профессионально занимающихся любовью. Поэтому последним подходит обозначение «патриотисты», а не «патриоты» (с надоевшими обязательными кавычками!)*».

Логично сочетание таких авторских словообразований с не-вокабулярными дефинициями: «*патриоты и патриотисты... Патриот любит родину свободного человека: выше власти ставит закон (...) Патриотист обожествляет государство (а точнее, державные интересы) и требует для него бесконечных жертв. Патриотист ненавидит «чужаков», патриот может и чужих любить, как своих*» (К. Ковальджи// ЛГ. - 2001. - № 47. - С. 5).

Публицистике по определению свойственно такое качество, как **аттрактивность**, т.е. **привлекательность**, или заманчивость. Но только в несатисфабельной журналистике это оборачивается злокачественной сенсационностью. Она проявляется в «черном юморе». Так, в одной из провинциальных газет существуют рубрики «Ужасы нашего городка» и «Шок - это по-нашему», причем под ними публикуются действительно страшные материалы об убийствах с особой жестокостью, каннибализме, глумлении над трупами и т. п. «Черный юмор» проявляется также в неуместной игре слов в у заголовках, в доходящей до хамства бестактности этих каламбуров: в «А и Ф» (август 2000) - «Трагический курс Курска» (каламбур тем более неуместен, что не принадлежит автору этой заметки: аналогичная игра слов встречается у Маяковского и Пастернака), в той же провинциальной газете: «Гибель сына убила и родителей» (сын погиб в Чечне, а родители были «убиты» в переносном смысле). В той же газете - неуместная аллюзия: материал о краеведческом музее озаглавлен: «История одного города» - получается, что город следует именовать *Глуповым*.

Особенно ярко бестактность и аморальность несатисфабельных СМИ проявляется, как уже было сказано, в «**черном юморе**». Выше мы приводили примеры неуместной

ернической игры слов, но еще более безнравственна публикация анекдотов такого сорта. Она типична для откровенно бульварной прессы, но встречается, напр., в «А и Ф»: (Н 12.) «Президент Украины Л. Кучма выступил с официальным заявлением: - По данным российских экспертов, мы можем уверенно утверждать, что на поднятом российском атомоходе «Курск» следов от попадания украинских ракет С-200 обнаружено не было!» (2001. - № 46. - С. 21). Там же: «Хорошая штука - лежащий полицейский: и скорость регулирует, и переехать приятно».

Еще одна типичная черта несатисфакбельной прессы - **рекламирование конъюнктурных, пошлых, лживых, аморальных и т.п. феноменов квази-культуры или даже анти-культуры** - напр., публикация скабрёзных анекдотов, сплетен, непристойных частушек, и проч. Цитируем: «Комсомолка» *всем своим рекорд-тиражом и громадным влиянием на молодежь распропагандировала, как в одном московском университете завкафедрой навязывает изучать Поэта в своем переводе на феню-жаргон. Вот образец: «Ларины там еще жили, две сестры. (Три - это, пиплы, у Чехова.) Меньшая - Ольга, дура с фейсом, и ботанка Таня с задвигом...». Нет, это не шутка одуревшего от свободы слова чиновного наставника. Всё всерьез! С экзаменами! С оценками! С потрясающим воображением признанием этого завкафедрой, что обогащает учебный процесс и культуру будущих педагогов во имя великой цели: «Чтобы нынешнему поколению, говорящему зачастую на сленге, далеко не самому читающему в мире, понять Пушкина» (...) «Комсомолка», рубрика «Мои первые книжки». Вчитываюсь в шапку разворота «Анна Каренина» в комиксах. Роман, специально адаптированный по «новорусской фене». Да в каких еще комиксах!» (В. Осипов// ЛГ - 2001. - № 47. - С. 5).*

Неотъемлемой чертой «хорошей» публицистики - любой политической ориентации - является **высокая речевая культура**, иначе говоря - владение языком на всех его уровнях. Это положение выглядит банальным и не требующим доказательств, однако на практике лингвисты поступают наоборот: они активно изучают речь *несатисфакбельных* (т.е. без кавычек *плохих* СМИ) и, во многом основываясь на этом материале, делают выводы о состоянии русской речи в целом, тогда как он реально позволяет диагностировать лишь степень деградации речи обывателей.

Можно сказать, что сатисфакбельная публицистика 1990-х гг. так или иначе стремилась к воплощению «диалогизма», тогда как СМИ «перестроечного периода», при всей своей формальной эмотивности, нацеленности на дискуссию, подчеркнутой интенциональности (обращенности к читателю), были, в сущности, «монологичны». Они отличались заданностью тематики, форм ее воплощения и выводов. «Перестроечная» публицистика не столько обсуждала важные социальные проблемы, сколько воспроизводила идеологические клише. Для нее была типична суггестивная (внушающая) текстовая стратегия.

При этом следует отметить, что «диалогизм» **современных сатисфакбельных односторонен**: авторы стимулируют интенсивное общение с читателями, но отказываются от толерантности к оппонентам, от диалога с ними. Симптоматично, что в публи-

цистике и 1980-х и 1990-х гг. многочисленны такие глагольные формы и синтаксические конструкции, которые помогают внушить читателю представление о неизменном порядке вещей, об «истинах в последней инстанции», реализуют безапелляционную убежденность авторов в своей правоте. Это же значение подчеркивается широко употребляемыми в материалах модальными словами, особенно с семантикой долженствования. Такой дискурс характерен для СМИ всех партий и направлений. Русской публицистике и российскому обществу в целом еще предстоит выработать уважение к чужой точке зрения.

Разумеется, в этом обзоре отражены не все признаки сатисфабельной и несатисфабельной журналистики. Ясно одно: состояние современной российской публицистики не сводится к противопоставлению «хорошей» «демократической» печати и «плохой» «оппозиционной». В обоих политических лагерях существует серьезная, высокопрофессиональная публицистика, глубоко и точно анализирующая нашу сложную реальность, и она обладает выраженными лингвостилистическими особенностями.

Использованная литература:

- Дуличенко А. Д.: Русский язык конца XX столетия. München 1994
Колесов В. В.: Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. Санкт-Петербург, 1998
Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 2-е изд. М., 1997
Липатова Е. Г.: Лингвоэстетические особенности российской публицистики 1990-х гг.. Ижевск, Удмуртский гос. университет, 2002.
Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. В.А. Земская. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000
Солганик Г. Я.: Стилистика текста: Уч. пос. М.: Флинта, Наука, 1997
Шапошников В. Н.: Русская речь. Современная Россия в языковом отображении. М., 1998.
Ферм Л.: Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). Uppsala, 1994